

© 2017 г.

А.М. Ф О М И Н

ФРАНКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СИРИЙСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ МЮНХЕНА (сентябрь—декабрь 1938 года)

Фомин Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Период между заключением Мюнхенских соглашений в сентябре 1938 г. и началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. можно охарактеризовать как время окончательного распада Версальского международного порядка, созданного двумя десятилетиями ранее. Ключевые державы этого порядка — Великобритания и Франция до этого момента стремились обеспечить свои интересы за счет малых стран в рамках политики «умиротворения».

Хотя в случае войны прямая угроза нависала над основными территориями западных держав, защита колониальных империй (давнего предмета зависти соперников) в обеих «западных демократиях» рассматривалась как неотъемлемый фактор национальной безопасности. Опыт Первой мировой войны показал, что в условиях глобального конфликта колонии могут стать важнейшим источником экономических и людских ресурсов, не говоря уже о военно-стратегической значимости некоторых из них. Однако задача сохранения контроля над колониальной периферией серьезно осложнялась не только растущими претензиями держав «Оси», но и региональными факторами — усилением национально-освободительного движения и политикой соседних с колониями независимых (как правило молодых) государств, не упускавших случая для достижения своих целей.

Ярчайшим примером такой ситуации можно назвать предвоенный Ближний Восток — регион, в котором власть европейских колониальных держав утвердилась недавно и имела «условный» характер благодаря системе мандатов Лиги Наций. Эта система была призвана, по крайней мере в теории, готовить соответствующие страны к обретению полной независимости и была частью международно-правового порядка, который можно назвать Лозаннским по наименованию подписанного в 1923 г. ключевого мирного договора. Этот порядок в целом был более устойчив, чем статус-кво, сложившийся после Первой мировой войны в Европе или на Дальнем Востоке, что, конечно, не исключало его постепенной эволюции и модернизации. Во второй половине 1930-х годов для такой модернизации сложились относительно благоприятные условия. Было очевидно относительное снижение международного влияния Великобритании и Франции — держав-мандатариев, фактически управлявших Ближним Востоком. Франция была слабейшей из них, а ее подмандатные владения — Сирия и Ливан были наиболее уязвимым элементом в региональном международном порядке. Страны «французского Леванта» не могли не испытывать влияния затяжного арабо-еврейского конфликта в Палестине; с юга и востока соседями Сирии были Ирак и Трансиордания во главе с правителями из Хашимитской династии, имевшими основания претендовать на наследство непризнанного Сирийского королевства, уничтоженного французами в 1920 г. Однако самая серьезная внешняя угроза исходила с севера, со стороны наиболее сильного из региональных государств — Турецкой республики.

Предмет нашего исследования – взаимоотношения Франции, державы-мандатария Сирии, с Турцией как с ближайшим соседом этой подмандатной территории в период окончательного распада Версальско-Вашингтонской системы¹. Мы последим взаимосвязь трех направлений французской внешней политики на Ближнем Востоке – сирийского, турецкого и средиземноморского, общим знаменателем для которых был, с одной стороны, отказ Франции от ратификации договора 1936 г. о предоставлении Сирии независимости, а с другой – проблема Александреттского санджака и попытка Франции усилить свои позиции в восточном Средиземноморье накануне Второй мировой войны.

Выдвижение территориальных претензий Турции к Сирии было непосредственно связано с вопросом о статусе этой подмандатной территории. В начале межвоенного периода Сирия около полутора лет пользовалась фактической независимостью, но в апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо было утверждено решение о передаче мандата на Сирию Франции, после чего страна была занята французскими войсками. Мандат вступил в силу в 1923 г. Попытка возвращения независимости, предпринятая в ходе восстания 1925–1927 гг., не увенчалась успехом. Учредительное Собрание Сирии, выработавшее в 1928 г. проект конституции страны, было в том же году распущено, однако в 1930 г. конституция была частично введена в действие. В стране был создан парламент и сформировано правительство, правда, с весьма ограниченными правами. Предпринятая в 1934 г. первая попытка Франции, по примеру Великобритании, перейти от мандатных отношений со странами Леванта к договорным была неудачна – сирийских политических лидеров не устроили французские предложения. Лишь в сентябре 1936 г. был подписан франко-сирийский договор, согласно которому Сирия должна была получить независимость при условии военно-политического союза с Францией. Установленный для этого трехлетний переходный период начинался 1 января 1937 г. и, следовательно, должен был завершиться 31 декабря 1939 г.

Заклячая договор 1936 г., Франция во многом шла по пути, проложенному Великобританией, которая заключила подобный договор с Ираком еще в 1930 г., и уже в 1932 предоставила этой стране формальную независимость, после чего Ирак вступил в Лигу Наций. Важную роль сыграла также внутривосточная обстановка во Франции, где осенью 1936 г. пришло в власти правительство Народного фронта, выступавшее за расширение самоуправления в заморских владениях. Однако после падения этого правительства сложная игра политических сил во Франции привела к тому, что за два года договор не был ратифицирован национальным собранием, так как подвергался острой критике со стороны колониальных групп, военных и церковных кругов. Реальная угроза большой войны ставила вопрос о прочности позиций Франции на Ближнем Востоке как с военно-стратегической, так и с политической точки зрения – устойчивость будущего франко-сирийского союза вызвала опасения.

Сирийский парламент, напротив, ратифицировал договор уже в декабре 1936 г., после чего он частично был введен в действие. В последующие два года (1937–1938 гг.) Сирия де-факто стала автономным государством. В стране действовали государственные институты – парламент, правительство, местная администрация и полиция. Был избран президент Хашим аль-Атаси и назначен премьер-министр Джемаль Мардам.

¹ *Longrigg S.H.* Syria and Lebanon under French Mandate. London, 1958; *Тарасов П.К.* Франко-турецкое соглашение об Александреттском санджаке и присоединение Турции к англо-французскому блоку (1936–1939 гг.). Автореферат канд. дисс. Свердловск, 1965; *Оганесян Н.М.* Образование независимой Сирийской республики (1939–1946 гг.). М., 1968; *Живкова Л.* Англо-турецкие отношения, 1933–1939. М., 1975; *Корхмазян Р.С.* Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. Ереван, 1977; *Houry Ph.S.* Syria and the French Mandate: The Politics of Arab Nationalism, 1920–1945. Princeton (NJ), 1987; *Галиакбарова Н.М.* Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг. Автореферат канд. дисс. Екатеринбург, 2003.

Господствующее положение в политической жизни занимала партия Национальный блок, которая представляла умеренное крыло национально-освободительного движения и выступала за мирное продвижение к полной независимости с учетом интересов державы-мандатария. Французский верховный комиссар граф Дамиен де Мартель ограничил свои функции общим наблюдением за ходом дел и контролем за исполнением договора, одним из соавторов которого он был. Однако вся эта система существовала в «подвешенном» состоянии, пока договор оставался не ратифицированным. Чтобы спасти его, сирийское руководство готово было пойти на серьезные уступки Франции. 11 ноября 1937 г. оно официально взяло на себя дополнительные обязательства по защите религиозных и национальных меньшинств, а также дало обещание в будущем полагаться только на французскую помощь в организации работы государственного аппарата. В феврале 1938 г. Мардам продлил концессию «Банка Сирии», который, несмотря на свое название, был чисто французским учреждением. В обоих случаях эти уступки провоцировали серьезные внутривнутриполитические кризисы в Сирии, однако Франция не спешила с ратификацией договора. Чтобы, наконец, сдвинуть это дело с мертвой точки, Мардам в августе 1938 г. снова отправился в Париж во главе сирийской делегации. Начались переговоры о новых дополнениях к договору, причем, по словам директора отдела Африки и Леванта министерства иностранных дел Франции Э. Лагарда, «на ритм этих переговоров не могло не влиять развитие внешних событий»², то есть чехословацкий кризис. Мардам провел в Париже около четырех месяцев, но серьезных успехов не добился.

Одной из причин «непопулярности» договора во Франции было то, что его заключение означало переход официального Парижа от политики поощрения местного сепаратизма в Сирии к поддержке центрального сирийского правительства, опиравшегося на арабское суннитское большинство. В частности, были ликвидированы «независимые» государства друзов на юге и алавитов на западе страны, созданные в начале 1920-х годов как специфическая форма национально-религиозного самоопределения. Это решение многим казалось отходом от традиционной политики защиты меньшинств. Во французской прессе поднялась шумная компания в защиту прав друзов, алавитов, курдов и христиан Сирии, которую могло обеспечить только прямое управление со стороны мандатария³.

Противники договора выступали также за предоставление автономии еще одному региону — Джазире. Эта крайняя западная часть Сирии в отличие от соседних земель, населенных арабами-бедуинами, была очагом оседлого земледелия, и арабы составляли там меньшинство населения. Основная масса жителей состояла из курдов, но в городах Камышлы и Хасеке большинство жителей были христианами (ассирийцы и армяне). Среди курдов и христиан было много недавних беженцев, покинувших родные места в Турции и Ираке после этнических чисток в ходе Первой мировой войны и сразу после нее, а также после подавления курдских восстаний в соседних странах. Так, город Камышлы вырос в годы мандата в первую очередь за счет переселенцев из соседнего города Нисбин, который остался в составе Турции.

Многие жители Джазире видели в арабском национализме правящей партии угрозу своей идентичности, поэтому там сильные позиции имело движение за автономию или даже независимость от Дамаска под протекторатом Франции. Такие настроения поощрялись французскими спецслужбами (иногда вопреки воле верховного комиссара) и в 1937–1938 гг. приводили к прямым конфликтам с Дамаском вплоть до ареста курдских вождей⁴. Однако отсутствие в Джазире крупных политических партий и ярко выраженных лидеров делало этот регион уязвимым для иностранного влияния как соседних Турции и Ирака, так и великих держав Европы — Германии

² Note du sous-directeur d'Afrique — Levant, 22.11.1938. Documents diplomatiques français (далее — DDF), № 260, p. 710–713.

³ Longrigg S.H. Op. cit., p. 215–224; Khoury Ph.S. Op. cit., p. 485–493.

⁴ Longrigg S.H. Op. cit., p. 247–251; Khoury Ph.S. Op. cit., p. 525–534.

и Италии. В середине 1920-х годов в Верхней Джазире были обнаружены запасы нефти, но до Второй мировой войны их так и не начали разрабатывать.

Большое беспокойство в Париже вызывала судьба еще одного района Сирии – Александреттского санджака, где не менее 45% населения составляли турки, а оставшаяся часть состояла из курдов, арабов-суннитов, алавитов, арабов-христиан, армян. Район Александретты в рамках мандата никогда не был отдельным государством, а пользовался лишь ограниченной автономией, но эта автономия имела международно-правовую основу – франко-турецкий Анкарский договор 1921 г. Заключение франко-сирийского договора в 1936 г. дало Анкаре повод заявить о своих политических притязаниях на санджак, поскольку Франция не могла гарантировать, что независимое сирийское правительство будет уважать права турецкого населения этой территории. Таким образом, вопрос о политическом будущем Сирии не мог быть лишь внутренним делом Франции, а оказался тесно связан с взаимоотношениями Парижа и Анкары вокруг Александреттского санджака на фоне постепенно назревавшего грандиозного мирового конфликта.

Париж, первоначально отвергнув турецкие притязания, в дальнейшем предпочел пойти на уступки и согласился на передачу этого вопроса в ведение Совета Лиги Наций. 27 января 1937 г. Совет принял решение о трансформации санджака в отдельную демилитаризованную территорию со своим Статутом (т.е. конституцией), внутренней автономией и связью с Сирией только в вопросах таможи, валюты и внешних сношений. Статут был разработан, и с 29 ноября 1937 г. санджак был административно отделен от Сирии, хотя и остался частью французского мандата. Реализация этих решений столкнулась с трудностями, поскольку возникли противоречия вокруг избирательных списков в санджаке. Начались турецко-арабские межэтнические столкновения. Арабы бойкотировали новую автономную администрацию, а турки – центральные органы власти Сирии. В марте 1938 г. в соответствии с новым франко-турецким соглашением был принят принцип раздельного голосования жителей санджака в соответствии с этнической и религиозной принадлежностью по собственному выбору каждого избирателя⁵. В мае-июне 1938 г. межэтнические столкновения возобновились. Турецкий посол в Париже Суад Даваз предупредил французскую сторону, что Анкара готова ввести войска в санджак для защиты турецкого населения⁶. В результате было принято решение о вводе в санджак равных контингентов французских и сирийских войск для поддержания порядка. 4 июля 1938 г. после долгих переговоров был парафирован франко-турецкий договор о дружбе и нейтралитете (впоследствии он так и не был ратифицирован). В приложенной к нему декларации содержалось взаимное обязательство сторон уважать Статут санджака: Франция признавала там «турецкое преобладание», а Турция заявляла, что для нее этот вопрос «не является территориальным». 5 июля 1938 г. северную часть санджака, включая Александретту и Антиохию, заняли турецкие войска, а южную – французские.

В тот момент всеобщее внимание было привлечено к проблеме Чехословакии, из-за которой могла разразиться европейская война. В конце августа 1938 г. накануне Мюнхенского кризиса глава французского МИД Жорж Бонне обратился к турецкому послу Давазу с предложением «укрепить основы франко-турецких отношений». Речь шла о новом соглашении о взаимопомощи, которое бы предусматривало еще более широкое, чем предусмотренное договором от 4 июля 1938 г., взаимодействие двух правительств в случае опасности⁷. Турки с ответом не торопились. С августа 1938 г. вопрос о санджаке вступил в решающую фазу. На местных выборах, бойкотированных нетурецкими партиями, закономерную победу одержали ставленники Анкары.

⁵ Longrigg S.H. Op. cit., p. 241–243; Khoury Ph.S. Op. cit., p. 494–511.

⁶ Bonnet J. De Munich à la guerre. Paris, 1967, p. 68.

⁷ Centre Archives Diplomatiques La Courneuve. Papiers d'agents – Archives privées (далее – CADLC PA-AP), Papiers R. Massigli (217). Ambassade en Turquie (далее – AT), v. 24, Bonnet à Ponsot, 9.10.1938, p. 23–27.

Париж способствовал такому исходу событий, давая «аванс» Анкаре в расчете на турецкую поддержку в условиях крайнего обострения обстановки в Европе. Однако события в Александретте окончательно вышли из-под французского контроля.

2 сентября 1938 г. созванная законодательная ассамблея этого района провозгласила создание независимого государства Хатай со столицей в Антиохии (совр. Антакья), в котором власть французского мандатария была уже чисто номинальной. В Хатае находились как турецкие, так и французские войска, но становилось все очевиднее, что первые намерены остаться там навсегда, в то время как вторые — лишь временные гости. Ответом французских властей в Сирии было установление таможенной границы между Хатаем и остальной сирийской территорией. Это было прямым нарушением Статута Александреттского санджака, принятого в Женеве в 1937 г., но французы видели в такой мере двоякую выгоду. Во-первых, коммерческие связи Алеппо теперь неизбежно должны были вместо Александретты переориентироваться на порты Триполи и Латакии, что неизбежно укрепляло экономические связи между севером и югом Сирии, до того весьма слабые. Во-вторых, экономические трудности, которые неизбежно возникали из-за отделения Александретты от внутренней Сирии, могли заставить антиохийское правительство одуматься и не спешить с ускоренным «отуречиванием». Однако этот расчет не оправдался. Сразу после установления французских таможенных постов на границе Сирии с санджаком Турция ликвидировала свои посты на границе с ним. Экономически санджак стал частью Турции. К осени 1938 г. уже четко обозначилось намерение Анкары превратить свой фактический контроль над санджаком в его формальную аннексию. Дополнительным стимулом к этому была явная затяжка с ратификацией франко-сирийского договора, поскольку все предшествующие соглашения по статусу санджака составлялись исходя из предположения, что французский мандат в Сирии будет отменен в ближайшем будущем⁸. Угроза большой войны в Европе также заметно способствовала этим планам. Учитывая стратегическое положение Турции и ее роль как ресурсной базы, Великобритания и Франция не могли себе позволить ввязаться в большую войну, в особенности в Средиземноморье, не обеспечив себе по крайней мере дружественного нейтралитета Турции. При столь высоких ставках потеря Александретты все чаще рассматривалась в Париже как вполне оправданная жертва.

24 сентября 1938 г. последовал турецкий ответ на августовские французские предложения. Анкара не отказывалась от более тесного сотрудничества с Парижем в вопросах безопасности, но при условии, что в будущей комбинации участие примет также и Великобритания и что такое соглашение о безопасности «не будет направлено ни против какой иной державы»⁹. Эти оговорки практически обесценивали предполагаемое соглашение в глазах французов, поскольку традиционное неприятие англичанами любых дополнительных обязательств было хорошо известно. Тем не менее, поскольку турецкий меморандум содержал предложение сразу преступить к «обмену информацией» по всем интересующим обе стороны вопросам, решено было этой возможностью воспользоваться. Турецкая позиция предполагала заключение многостороннего пакта по образцу недавно подписанного договора с Грецией, который предполагал благоприятный нейтралитет и взаимные консультации участников в случае нападения на кого-либо из них третьей страны.

Вскоре стала известна цена, которую Анкара хотела запросить за свое участие в этой комбинации. 30 сентября 1938 г. Даваз встретился с директором политического департамента МИД Франции Р. Массигли и изложил ему свой план, в соответствии с которым в обмен на окончательный отказ Франции от санджака Турция обязалась признать любой политический порядок, который Франция намеревалась установить

⁸ *Massigli R.* La Turquie devant la guerre. Mission à Ankara, 1939–1940. Paris, 1964, p. 51.

⁹ CADLC PA-AP, R. Massigli (217). AT, v. 24. — Note remise par l'ambassadeur de Turquie, 24.09.1938, p. 22.

в Сирии¹⁰. В этом предложении была заложена угроза дестабилизации обстановки в Сирии в случае французского упорства в вопросе об Александретте. Массигли попросил Даваза изложить свои тезисы письменно и вскоре получил его «личный и неофициальный» меморандум, в котором предлагалась новая схема решения Александреттского вопроса. Предложения Анкары сводились к трем пунктам. Во-первых, Франции предлагалось признать окончание своего мандата над государством Хатай. Его статус предполагалось определить путем переговоров его представителей с Анкарой, а Францию турки обещали лишь информировать о ходе этих переговоров. Во-вторых, Турция давала обязательства благосклонно отнестись к любым изменениям статуса Сирии и Ливана, которые Франция могла счесть нужными для своих интересов, признать любые условия франко-сирийского и франко-ливанского договоров. По сути предлагалось создать новую политическую систему, в которой Турция признавала бы особые интересы Франции в «независимой» Сирии, а Франция признавала бы особые интересы Турции в «независимом» Хатае. Турция также обещала снять свои былые возражения против размещения ассирийцев-нехристиан в Джазире и даже не возражать против создания там преимущественно христианской автономии. В Джазире турки хотели открыть консульство для эффективного сотрудничества с местными властями. В-третьих, предлагалось заключить новое соглашение о дружбе и добрососедстве в приграничных регионах, которое предполагало бы франко-турецкое сотрудничество в борьбе с бандитизмом и контрабандой¹¹.

По существу это требование было не только равносильно согласию Франции на установление полного контроля Турции над Хатаем, но и оставляло лазейку для турецкого вмешательства в сирийские дела под предлогом борьбы с контрабандой и бандитизмом, а также для распространения турецкого влияния в Джазире под прикрытием ее автономии.

Французы хорошо помнили, что потеря Александретты тоже начиналась с требования автономии. Выдвижение турецких предложений в день, когда стало известно об условиях Мюнхенского соглашения, вряд ли было случайностью. После того, как Франция в Мюнхене продемонстрировала неспособность отстаивать свои интересы в Центральной Европе и фактически предала своего ближайшего союзника — Чехословакию, можно было ожидать, что и в вопросе санджака Париж также пойдет на уступки, тем более, что с точки зрения безопасности Франции утрата контроля над санджаком значила явно меньше, чем выпадение ключевого звена из цепи Восточных союзов, каким являлась Чехословакия.

Первоначальная реакция французского МИД была крайне негативной. 26 октября 1938 г. Ж. Бонне попросил своего посла в Анкаре А. Понсо заявить главе турецкого МИД Р. Арасу, что Франция не может в одностороннем порядке отменить мандат Лиги Наций. Франция рассматривала предложенную Турцией схему как крайне невыгодную для себя. Лишаясь на территории санджака всех прав и привилегий, связанных с мандатом, Франция при этом сохранила бы все вытекающие из него международные обязательства. Поскольку на всех предыдущих этапах решения Александреттского вопроса Франция неизменно шла на уступки турецкой стороне, дальнейшее отступление означало бы новый удар по ее престижу. С французской точки зрения, первоочередная задача состояла в том, чтобы обеспечить в санджаке внутренний порядок (которого не было), чтобы как можно скорее вывести оттуда как французские, так и турецкие войска. Впрочем, Бонне вряд ли верил в возможность такого решения. Он писал: «Наша настойчивость в этом пункте несколько не означает, что мы не осознаем необходимости дать вопросу Хатая определенное решение, которое исключит на будущее любую возможность для споров и затруднений», но такое решение было возможно только после «оздоровления обстановки». Иными словами, речь шла

¹⁰ *Massigli R.* Op. cit., p. 51–52.

¹¹ CADLC PA-AP, R. Massigli (217). AT, v. 26. Les Affaires du Hatay, 30.09.1938, p. 9–32.

об окончательной передаче санджака под контроль Турции, но не в результате давления, а по итогам переговоров и с учетом французских интересов¹².

О том, что у Франции оставалось все меньше рычагов влияния на ситуацию в санджаке, свидетельствует реакция на турецкие предложения французского верховного комиссара в Сирии и Ливане графа Дамиена де Мартеля. 27 октября 1938 г. он предлагал своему руководству вести диалог с турками с позиции сильной стороны: если Анкара не соглашается на одновременный вывод из санджака и турецких, и французских войск для того, чтобы ввести в действие Статут, принятый в 1937 г., следовало сохранять в санджаке французские войска и таможенные посты на границе санджака с остальной частью Сирии. Тогда экономическая жизнь в Александrette была бы парализована, в чем местные жители неизбежно обвинили новые протурецкие власти. Де Мартель тоже выступал за «простое и ясное» решение вопроса о санджаке, но резко отвергал турецкие претензии в отношении Сирии, выраженные, по его мнению, в меморандуме от 30 сентября 1938 г.: «Господин Арас, конечно, поймет, что шантаж, сформулированный до Мюнхена, сейчас уже больше не работает, поскольку, когда кризис прошел, французское правительство вернуло себе свободу самостоятельно определять цену турецкой дружбы»¹³.

Однако обстановка в санджаке все более накалялась и выходила из-под контроля. Местные протурецкие власти начали увольнять французских чиновников, отказываясь оплачивать их работу из бюджета государства Хатай. Французские образовательные и благотворительные учреждения оказались под угрозой закрытия, поскольку в Хатае начало вводиться в действие турецкое законодательство, требовавшее прямого подчинения этих учреждений правительству. Началась эмиграция нетурецкого, в первую очередь армянского, населения из санджака. Неудивительно поэтому, что в депеше де Мартеля от 5 ноября 1938 г. чувствовались совсем другие настроения: «Ежедневные протесты, с помощью которых я стараюсь умерить, задержать или хотя бы оспорить законность (турецких) посягательств в Хатае, не оставляют мне никаких иллюзий насчет конечной цели турок и насчет фактической невозможности для нас помешать им продвигаться к едва прикрытому аншлюсу».

Французскому правительству оставалось надеяться отстоять свои интересы в таких вопросах жизни санджака, как суды для иностранцев, школы, банки, порты, железные дороги, табачная монополия, внешнее представительство. Иными словами, речь шла о том, чтобы после фактического присоединения санджака к Турции Франция сохранила бы там остатки своего влияния. Согласие Сирии на отделение санджака де Мартель считал желательным, но не обязательным, так как сирийское правительство не признало статус санджака 1937 г. Можно было воспользоваться присутствием в Париже Мардама, однако его отказ не должен был помешать переговорам с Турцией. В конечном итоге, они велись в интересах Сирии, поскольку должны были ограждать ее от новых турецких посягательств¹⁴.

Беседа французского посла А. Понсо с Р. Арасом состоялась вечером 4 ноября 1938 г. По словам Араса, вопрос о судьбе государства Хатай был проблемой исключительно двусторонних франко-турецких отношений без участия Сирии, от которой Хатай уже фактически отделился, и которая якобы сама готова была отказаться от иллюзорного сюзеренитета над этим районом. Вопрос о турецко-сирийских отношениях можно было решить легко, поскольку Турция вопреки преувеличенным сирийским страхам не имела дальнейших территориальных претензий к Сирии. Турция лишь хотела пресечь разбой, которым занималось местное мусульманское население (очевидно, курды. — *А.Ф.*) и контрабанду, которая была «специализацией» христиан. Турция предпочла бы иметь своими соседями христиан, поскольку они не представляли для нее политической опасности. Очевидно за этим крылось

¹² Ibid., Bonnet á Ponsot, 26.10.1938, p. 34–36.

¹³ Ibid., De Martel á Bonnet, 28.10.1938, p. 37–41.

¹⁴ Ibid., De Martel á Bonnet, 04.11.1938, p. 42–45.

желание Анкары посеять вражду между ассирийцами и курдами в Джазире, поскольку уже тогда курды рассматривались как главная угроза территориальной целостности Турецкой республики. Турецкая сторона всячески подчеркивала свое намерение углублять дружеские отношения с Францией. В частности, Р. Арас ссылался на речь К. Ататюрка, произнесенную 1 ноября 1938 г., в которой президент Турции высказывался за то, чтобы «кристаллизовать» франко-турецкую дружбу на «более широком поле». По словам Араса, «речь идет не о том, чтобы подписывать обширные пакты, а о том, чтобы установить и развивать постоянное эффективное сотрудничество в тех областях, где есть общий непосредственный интерес. Это станет реальной гарантией в случае общего конфликта»¹⁵. В качестве примера Арас привел взаимоотношения Турции с СССР.

Инструкции Ж. Бонне послу в Анкаре по этому поводу МИД Франции считал необходимым разослать во французские представительства в 15 странах мира, что говорит о важности проблемы. Очевидно, заинтересованность Парижа и Анкары в согласовании политики была взаимной. Однако развитию этой тенденции мешала не только проблема Хатая, но и предполагаемые турецкие претензии на другие части Сирии, в частности Джазиру. Успокаивающим заявлениям Араса на этот счет Бонне не верил: он полагал, что лучшим средством предотвратить их было бы заключение нового соглашения о добрососедстве с Турцией. Бонне считал возможным дать понять туркам, что Франция не против общеполитического соглашения с Анкарой и готова начать соответствующие переговоры, но поскольку турки настаивали на участии Великобритании в этом соглашении, то решение вопроса неизбежно откладывалось. По мнению Бонне, это было только на руку Парижу, поскольку давало дополнительное время для осмысления ситуации. При этом Бонне поддержал турецкое предложение о «более частом обмене информацией» и считал необходимым закрепить его в официальном обмене письмами между Анкарой и Парижем¹⁶. Но Анкару это не заинтересовало. Впоследствии Массигли дипломатическую активность вокруг санджака охарактеризовал как «диалог глухих». Он описывал ситуацию так: «Жаловались в Париже, гневались в Бейруте, протестовали в Анкаре, в то время как в Антиохии руководитель государства Хатай отмечал каждый день новыми достижениями»¹⁷.

Существенные коррективы в дальнейшее развитие событий внесла смерть Ататюрка 10 ноября 1938 г. Первый президент Турецкой республики из-за тяжелой болезни принимал лишь эпизодическое участие в государственных делах. Тем не менее его кончина поставила много новых вопросов. В турецком руководстве произошли существенные кадровые перестановки. Пост президента республики и руководителя правящей (и единственной в стране) Народной партии занял И. Иненю – бывший премьер-министр и ближайший соратник Ататюрка, который, однако, уже год как находился не у дел. Арас лишился поста главы МИД и вскоре отправился послом в Лондон, а его преемник Ш. Сараджоглу не был склонен к сотрудничеству с «западными демократиями». Принимая у себя советскую делегацию во главе с заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным, он заявил, что «по последним сообщениям, французы собираются создать на сирийской территории, в частности в Альджазирасе (Джазире. – А.Ф.), очаги враждебной для Турции армянской, турецкой, ассирийской эмиграции. Все это воскрешает старые трения между Турцией и Францией и вызывает сомнения в искренности французской политики». Впрочем, Потемкин не доверял Сараджоглу и объяснял его повышенную любезность желанием завуалировать все больший отход Турции от «дружбы» с СССР¹⁸.

¹⁵ Ibid., Ponsot á Bonnet, 5.11.1938, p. 46–51.

¹⁶ DDF, v. 11, № 284, p. 498–499, Bonnet á Ponsot, 9.11.1938.

¹⁷ Massigli R. Op. cit., p. 52.

¹⁸ Документы внешней политики СССР, т. 21. М., 1977, с. 646–647.

Относительно симпатий Инено, который долгое время занимался внутренними делами, существовали различные мнения. Э. Лагард, глава управления Африки и Леванта в МИД Франции, 22 ноября 1938 г. в меморандуме на имя Бонне писал, что «Турция, все более внимательная к голосам ирредентизма», собиралась повернуть свои амбиции к Кавказу и сирийской Джазире; что Исмет станет «поборником азиатской тенденции» и будет склонен включить свою родину «в лагерь тех стран, у которых есть стремление взять реванш и претензии, требующие удовлетворения». Иными словами, в Париже опасались, что новый президент так или иначе приведет свою страну в лагерь стран «Оси». По мнению Лагарда, Турция стремилась сохранять свободу рук во взаимоотношениях с великими державами, чтобы «иметь возможность назначить наилучшую цену за свою дружбу». В этой ситуации интерес Турции к приграничным районам Сирии вызывал беспокойство; Франция должна была продемонстрировать Анкаре свою решимость «не терпеть более новых нарушений». Следовало добиваться заключения договора о границе, увязав его с введением в действие июльского 1938 г. договора о дружбе¹⁹. Р. Массигли, которому предстояло занять место Понсо в роли посла в Анкаре, впоследствии писал: «Я понял, что соображения, данные со всей ответственностью человеком, имеющим контакт с реальностью, часто имеют меньше веса в глазах некоторых учреждений, чем парижские теории, страсти и предрассудки». Распространению такого рода слухов и предрассудков в немалой степени способствовал находившийся в Париже сирийский премьер-министр Мардам, стремившийся ускорить ратификацию франко-сирийского договора²⁰.

Тем временем французам первым пришлось убедиться, что Мюнхен вовсе не удовлетворил аппетиты агрессивных держав — Италии и Германии. В конце ноября 1938 г. в итальянской прессе началась яростная антифранцузская кампания, прошли антифранцузские демонстрации, явно инспирированные властями. 30 ноября 1938 г. министр иностранных дел Италии Г. Чиано, выступая в парламенте в присутствии нового французского посла А. Франсуа-Понсе, заявил (несомненно, с подачи Муссолини), что «Мюнхен был только первым шагом к укреплению мира, делу которого Италия остается приверженной, не отказываясь при этом от естественных устремлений своего народа». Сразу после этих слов депутаты, как по сигналу, закричали: «Ницца, Савойя, Корсика!». Оскорбленный французский посол покинул зал. Известие об этом инциденте вызвало бурю возмущения в Париже. Однако 17 декабря 1938 г. Франсуа-Понсе получил от Чиано письмо с изложением итальянских требований, которые выглядели вполне «умеренными». Речь шла о правах на железную дорогу Джibuти — Аддис-Абеба, месте для Италии в совете директоров Компании Суэцкого канала, отказе от предусмотренной соглашением 1935 г. («пакт Муссолини — Лаваль») французской натурализации этнических итальянцев в Тунисе, где они составляли почти половину европейского населения. Вскоре на эту тему начались секретные переговоры, которые за спиной французского посла вел П. Бодуэн — секретный эмиссар премьер-министра Даладье. Однако переговоры были быстро прерваны из-за утечки информации в коммунистическую газету «Юманите»²¹.

Хотя Сирия и не фигурировала в итальянских претензиях к Франции, многие наблюдатели сделали вывод, что аппетиты Муссолини неминуемо обратятся в эту сторону. В сложившейся ситуации предстоящая ратификация франко-сирийского договора, даже дополненного новыми приложениями, выглядела не только как очередное политическое отступление, но и как прямое приглашение соперничающим державам занять место, освобожденное Францией. Влиятельный газетный магнат Л. Бэльби в своей газете «Жур» высказался прямо: «Нужно повторить бывшим министрам

¹⁹ DDF, v. 11, № 260, p. 710—713. — Note du sous-directeur d'Afrique — Levant, 22.11.1938.

²⁰ Massigli R. Op. cit., p. 40—41.

²¹ François-Poncet A. Au palais Farnese. Souvenirs d'une ambassade à Rome. Paris, 1961, p. 21—23, 36, 82.

Народного фронта, что мы не будем поддерживать совершенные ими ошибки, и что франко-сирийский договор никогда не будет ратифицирован французскими палатами. И, кроме того, если Италия — держава, которая была нашим другом и которая, без сомнения, им снова станет, смогла возвысить свой голос с такой изумительной дерзостью, то это только потому, перед лицом Франции, которая во всем уступает, у нее нет причин сдерживать свои амбиции, даже непомерные. Мы удержим Сирию, поскольку мы хотим там сохранить наше вековое влияние. И мы ее удержим также из-за того, что она является одним из форпостов, одной из точек опоры французской мощи в Восточном Средиземноморье, откуда никому не позволено нас изгонять»²².

Республиканская Федерация — правоцентристская партия, контролировавшая 10% мест в Палате депутатов, в первые дни декабря 1938 г. выпустила заявление о том, что франко-итальянское соглашение, «которое диктуется самой природой вещей», необходимо для поддержания мира в Европе и должно сохраниться несмотря на «досадный инцидент» в итальянском парламенте. В заявлении подчеркивалась опасность, которую создавали для «безопасности и престижа Франции в средиземноморском бассейне» возможная ратификация договора с Сирией, а также допущенное «отступление» по проблеме Александреттского санджака²³. В вопросе о санджаке наиболее активными оппонентами правительства были сенатор Г. Готеро и публицист П. Де Вей. Готеро в октябре 1938 г. обратился к Бонне с открытым письмом, в котором сокрушался, что «наши лучшие друзья (армяне санджака. — А.Ф.) приносятся в жертву противникам, которых они имеют все основания опасаться»²⁴. Де Вей посвятил той же теме книгу, увидевшую свет осенью 1938 г.²⁵

Официальная Анкара восприняла ситуацию примерно так же, как французские газеты: Франция явно слаба, а значит ничто не помешает Италии в следующий раз потребовать Сирию. Президент И. Иненю, принимая французского посла Понсо, заявил ему, что, по его сведениям, вопрос о Сирии может быть поднят в ходе визита британского премьер-министра Н. Чемберлена в Рим и послужить «компенсацией» в некой дипломатической сделке с итальянцами. По словам Иненю, «Сирия с трудом сможет самостоятельно избежать господства иностранной державы, но Франция — единственная держава, с которой мы хотим иметь дело на нашей южной границе»²⁶. Иначе говоря, Турция опасалась, что независимую Сирию легко сможет прибрать к рукам Италия, французы же видели в этих опасениях лишь еще одно подтверждение претензий Турции на сирийские территории.

Со стороны Сирии вряд ли следовало ожидать противодействия будущему соглашению между Францией и Турцией. Не признавая формально отделения Александреттского санджака, сирийские политические лидеры к этому времени почти смирились с его потерей и сосредоточили все свое внимание на переговорах с Францией по поводу ратификации договора 1936 г. Французы в качестве условия ратификации и вступления в силу договора выдвинули к сирийской стороне ряд дополнительных требований: сохранение на сирийской территории постоянных контингентов французских сухопутных войск, передача будущей сирийской армии под командование французских генералов, французское «обеспечение» бедуинских лагерей (то есть направление туда офицеров и чиновников), формирование местного батальона в Джазире.

Политические требования французов включали возобновление работы подконтрольного французам эмиссионного банка, благоприятный режим разведки и добычи нефти, гарантии положения немусульман, обеспечение места французского языка

²² Journal des débats, 18.XII.1938.

²³ Le Temps, 3.XII.1938.

²⁴ Le Temps, 18.X.1938.

²⁵ De Veü P. Désastre d'Alexandrette. Paris, 1938.

²⁶ DDF, v. 13, № 211, p. 390. — Ponsot à Bonnet. 23.12.1938.

в образовании, закрепление на постоянной основе функций французских агентов в управлении страной, особый административный статус Джазиры.

Все эти требования серьезно ограничивали суверенитет будущего сирийского государства. Тем не менее, Мардам принял все из них, кроме последнего. Особый статус Джазиры мог «только предоставить новый предлог для притязаний Турции, вошедшей во вкус из-за своего быстрого успеха в Хатае и из-за расчленения Чехословакии». Для Франции этот вопрос не был принципиальным, поскольку на деле она стремилась не к автономии Джазиры, а к сохранению за собой фактического контроля над регионом. Эту задачу вполне можно было решить, направляя в регион французских советников от имени Министерства внутренних дел Сирии. В итоге последние разногласия были решены и французские дипломаты сочли возможным начать процедуру ратификации франко-сирийского договора, дополненного двумя новыми документами — по военным и политическим вопросам²⁷.

Военная конвенция, дополнявшая договор 1936 г., была подписана 14 ноября 1938 г. Она предусматривала сохранение французского военного контингента в Сирии на постоянной основе и подчинение будущей сирийской армии французскому командованию. Кроме того, был подписан политический протокол, подтверждавший все принятые ранее дополнения к договору²⁸.

Уступчивость сирийской делегации нельзя объяснить только внутренними факторами. Напротив, соглашаясь на условия французов, Мардам рисковал навлечь на себя обвинения в предательстве национальных интересов. Однако к умеренной позиции на переговорах сирийцев подталкивали внешние обстоятельства. Саадаллах-бей Джабри, исполнявший в отсутствие Мардама обязанности премьер-министра Сирии, так объяснил сирийскую позицию: «В последние дни сентября по Дамаску пошли слухи, что если Франция будет вовлечена в большую войну в Европе, беспорядки в Сирии заставят французов отступить в Ливан. От сирийцев не ускользнули и выводы из этих слухов, а именно, то что они могут быть оставлены на милость Турции. Сирийцы поняли, что если Турция получит контроль над страной, они могут попроситься со своими давно лелеемыми мечтами о независимости. Меньшим из двух зол, следовательно, будет остаться с Францией и доказать ей, что дружественный союз между двумя странами был бы выгоден обоим сторонам»²⁹.

Уступок, сделанных Мардамом в ходе парижских переговоров, оказалось недостаточно, чтобы сломить сопротивление принципиальных противников отмены мандата. Они были убеждены, что сохранить французское влияние в Сирии и Ливане, опираясь лишь на неформальные методы, будет невозможно. В середине декабря 1938 г. комитеты по внешней политике обеих палат французского Национального собрания приняли решение отказаться от ратификации франко-сирийского договора 1936 г., несмотря на все поправки и дополнения к нему. Ключевое значение имело заседание сенатской комиссии 15 декабря. Руководил этой комиссией Анри Беранже — политик, тесно связанный с «Французской нефтяной компанией», владевшей 23,5% акций «Иракской нефтяной компании» — единственного подрядчика по добыче нефти в районе Мосула. Одна из двух веток недавно построенного нефтепровода из Ирака к Средиземному морю проходила через Сирию и Ливан в порт Триполи. Неудивительно, что в понимании Беранже интересы Франции требовали сохранения твердого контроля над Сирией. Комиссия под председательством Беранже заслушала доклады по сирийскому вопросу двух сенаторов. Сенатор Бержеон предлагал отложить ратификацию франко-сирийского договора, а его коллега Анри-Айе — вовсе аннулировать этот документ и вернуться к управлению на основе мандата. По его мнению, сами основы соглашения 1936 г., даже дополненные протоколом и декларацией 1938 г., были несовместимы с интересами Франции, а автономные привилегии, ранее предоставленные

²⁷ DDF, v. 11, № 260, p. 444–446. — Note du sous-directeur d'Afrique — Levant, 3.11.1938.

²⁸ *Khoury Ph.S.* Op. cit., p. 489.

²⁹ Records of Syria, 1918–1973 (далее — RS), v. 6, Odege to Halifax, 7.10.1938.

двум государствам — алавитам и друзам, как и «особый характер» населения Верхней Джазиры, «не получили в договоре никакой серьезной гарантии». По итогам обсуждения, в котором также приняли участие бывшие премьер-министры П. Лаваль и Ф. Стеег, было решено направить письмо главе МИД с предложением «немедленно принять правительственное решение, прерывающее все сроки, предусмотренные соглашениями или прилагаемыми документами». Иными словами, следовало приостановить процесс передачи полномочий сирийским органам власти, до завершения которого оставался год³⁰. Комиссия приглашала Ж. Бонне посетить одно из своих заседаний, чтобы подробно обсудить проблемы Леванта, но этого не потребовалось. Французское правительство приняло решение не выносить франко-сирийский договор на ратификацию.

Комиссия Палаты депутатов пришла к тому же заключению, что и комиссия Сената. О том, какими мотивами руководствовались французские парламентарии, свидетельствует британский документ — запись беседы английского дипломата Р.И. Кэмпбелла с Гастоном Риу — секретарем комиссии Палаты по иностранным делам и главным докладчиком по сирийскому вопросу. Беседа состоялась 25 января 1939 г. Кэмпбелл так передал слова своего собеседника: «Через месяц после вступления договора в силу немцы и турки заняли бы место Франции. Турки действуют рука об руку с Германией. Этому есть точные доказательства. ...27 сентября турецкий посол зашел так далеко, что пришел к г-ну Бонне с требованием уступить управление Джазирой. Более того, существовали готовые планы, по которым турецкие поезда в случае войны будут перевозить британскую и французскую нефть в Германию. ... В любом случае, турки всегда будут на стороне сильного. Они держат 200 000 солдат на границе с Сирией». Риу также высказался за то, чтобы Великобритания и Франция «прекратили соперничество» на Ближнем Востоке и проводили там единую политику. На вопрос, в чем он видит соперничество, Риу ответил, что британские агенты на местах «активно поддерживают арабских экстремистов, которые стремятся к пан-арабскому государству, чего Франция не желает». Англичане не восприняли всерьез эту тираду французского парламентария, однако Кэмпбелл перепроверил у Э. Лагарда информацию Г. Риу о турецких планах относительно Джазиры и получил ответ, что турки предполагали только открытие консульства. Это была правда, но от внимания Кэмпбелла не ускользнуло, что «французское правительство чувствовало, что у турок есть определенные амбиции в данном регионе, и подозревало, что за предложением о консульстве скрывалось нечто большее, чем представлялось на поверхности»³¹.

В ответ на отказ Франции ратифицировать договор сирийский парламент 31 декабря 1938 г. после шестичасовых дебатов потребовал его безусловной ратификации без дополнений, согласованных Мардамом с французами в 1938 г. Мардаму с трудом удалось добиться вотума доверия для своего кабинета³². Однако открытый конфликт между сирийскими националистами и французскими мандатными властями после этого стал неизбежен.

Отказ Франции от ратификации договора с Сирией осложнил также и франко-турецкие отношения. Все соглашения 1937–1938 гг. относительно судьбы Александреттского санджака готовились исходя из тезиса о скором прекращении французского мандата на Сирию, а следовательно, и на санджак. Отказ от ратификации означал сохранение мандата на неопределенное время, а Турция не готова была долго ждать. Сараджоглу в последних беседах с уезжавшим на родину бывшим французским послом Понсо прозрачно намекал, что общеполитическое соглашение между двумя странами будет невозможно без решения проблемы санджака. Новый посол Массигли перед отъездом из Парижа предлагал в качестве такого решения франко-турецкий

³⁰ Le Temps, 16.XII.1938.

³¹ RS, 1918–1973, v. 6, 1937–1939, p. 531–535. Minute by R.I. Campbell, 25.01.1939.

³² *Houry Ph.S.* Op. cit., p. 490–491.

кондоминиум, но эта идея не нашла поддержки в министерстве³³. По словам Лагарда, «урегулирование проблемы Хатая станет теперь более сложным, поскольку Дамаск будет искать в любом движении по этому поводу предлог для жалоб. Что действительно важно, так это то, что противники договора во Франции в то же время вдохновляются настроениями реванша по отношению к Турции»³⁴. Турция была настроена решительно. 4 января 1939 г. проект закона о ратификации франко-турецкого договора о дружбе от 4 июля 1938 г. был без объяснения причин снят с повестки дня турецкого Национального собрания³⁵. Это могло означать только одно: вопрос санджака для Турции стал территориальным.

В последние месяцы 1938 г. западные демократии Англия и Франция, параллельно с отчаянными попытками избежать войны в рамках политики «умиротворения» постепенно начинали приходить к идее если не неизбежности, то высокой вероятности войны против стран «Оси» Берлин—Рим в ближайшем будущем. Франция это почувствовала раньше своего британского союзника благодаря нетерпеливому желанию итальянцев разыграть свой собственный Мюнхен, которое проявилось в провокации 30 ноября 1938 г. Возможная война против Италии на средиземноморском театре военных действий требовала укрепления позиций Франции на восточном фланге этого театра, а именно в Сирии и Ливане. Для этого требовалось, во-первых, добиться хороших отношений с Турцией, а значит решить проблему Александретты, во-вторых, обеспечить надежный тыл французских войск в Сирии и полную свободу маневра для них в случае войны. До ноября 1939 г. французы пытались решить обе эти проблемы дипломатическими методами в рамках ранее подписанных документов — Статута Александреттского санджака 1937 г., франко-турецкого договора от 4 июля 1938 г. и франко-сирийского договора 1936 г. Речь пока шла о «модернизации» этих документов при сохранении из основной сути — Хатай должен был оставаться автономным государством под совместной гарантией Франции и Турции, а Сирия — приближаться к независимости, обеспечив стратегические интересы Франции. К декабрю 1938 г. ситуация изменилась. Стала вырисовываться перспектива раздела «независимой» Сирии между Италией, терявшей всякие представления об умеренности, и Турцией, про которую трудно было сказать, удовлетворится ли она Александреттой или потребует полного пересмотра Лозаннского статус-кво. Французское руководство все больше утверждалось во мнении, что обеспечить свои позиции в Леванте Франция сможет, только сохранив там в полном объеме свою административную власть, пожертвовав при этом в пользу Турции небольшой территорией на северо-западе страны. Последнее условие принималось далеко не всеми. Для того, чтобы это мнение утвердилось окончательно и нашло выражение в конкретных делах, потребовалось еще пять месяцев политических кризисов в Дамаске, дипломатической борьбы в Анкаре и острой полемики в Париже.

³³ CADLC PA-AP, R. Massigli (217). AT, v. 24, *Projet des instructions par R. Massigli*, 18.12.1938, p. 59–66.

³⁴ *Ibid.*, Note par E. Lagarde, p. 53.

³⁵ *Massigli R. Op. cit.*, p. 59.